

Зинаида Васильева

Krisztina Fehérvári. Politics in Color and Concrete: Socialist Materialities and the Middle Class in Hungary. Bloomington: Indiana University Press, 2013. 312 pp. ISBN 978-0-253-00991-3.

Зинаида Васильева. Адрес для переписки: Центр исследований науки и технологий (Центр STS), Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3а, Санкт-Петербург, 191187, Россия. zvasilyeva@gmail.com.

Рецензия написана в Центре исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ по постановлению 220 (договор №14.У04.31.0001).

Книга антрополога Кристины Фехервари «Политика в цвете и бетоне. Социалистическая материальность и средний класс в Венгрии» исследует взаимосвязи между социалистическим государством, обществом и материальным миром. На примере Венгрии 1950–2000-х годов автор показывает, как трансформации повседневного материального окружения свидетельствуют о смещениях политических смыслов, включенных во взаимодействия людей и предметов. Книга является результатом длительной полевой работы, проведенной автором в середине и во второй половине 1900-х годов в Венгрии, преимущественно в городе Дунайварош (до 1961 года – Сталинварош). Быстрая смена риторики, характерная для этого времени, и изобилие товаров, внезапно заполонивших полки магазинов, вынуждали людей реагировать на эти изменения и конструировать новые смыслы в отношении быта, комфорта и вкуса. Особое внимание Фехервари уделяет исследованию так называемых *аффективных сил* (*affective powers*), связывающих материальные объекты и их свойства с социальными и эмоциональными значениями, встроенными в доминирующие дискурсы и практики их повседневного использования.

Предметом исследования оказываются материальные трансформации домашнего пространства, которые автор прослеживает, опираясь на разнообразные источники: фильмы, ТВ-шоу, рекламу, газеты, выставки, модные журналы, сборники рецептов «сделай сам», а также фотографии, интервью и личные наблюдения.

Исследовательский подход Фехервари в значительной степени обусловлен постколониальной теорией с ее интересом к социоэкономическим изменениям в обществах «третьего мира» в результате наступления глобального капитализма (см., например, Miller 1994; для постсоциализма: Humphrey and Verdery 2004; Mandel and Humphrey 2002). В этой перспективе антропологов интересует, прежде всего, *как* внедрение рыночных механизмов трансформирует привычную структуру потребления и связанные с ней практики и ценности. Таким образом, этнографически насыщенное описание служит средством выявления уникальных отличий, характерных для конкретного сообщества, при исследовании более или менее известного общего процесса (модернизация общества, либерализация экономики, включение в глобальные процессы) и является критическим инструментом уточнения и разработки теории.

В этой теоретической перспективе исследование материальных трансформаций постсоциалистических стран представляет пример особого рода, поскольку сам социалистический проект являл собою вариант модернистской космологии и предусматривал полную трансформацию материального мира и человеческого сознания. В результате материальная среда, сформированная в социалистическую эпоху, неизбежно оказывалась материализованной формой политик и связанных с ними субъективных впечатлений. Однако, в зависимости от внешних исторических и политэкономических обстоятельств, дискурсивные и материальные контуры этого модернистского проекта смещались и влекли за собой многочисленные локальные и субъективные переопределения (см. также: Gille 2007; на русском языке – блоки статей, подготовленные Сергеем Ушакиным (2013а, 2013б)). Так, малогабаритные квартиры, которые в 1960-е годы воспринимались как очевидный признак наступающего прогресса и возвещали триумф нукlearной семьи, к концу 1980-х годов становятся знаком ущербного пространства, в котором нет места для интимности и личного комфорта. Для интерпретации этого явления Фехервари прибегает к понятию «прошедшего будущего» (Koselleck 1985): то, что некогда служило доказательством прогресса, со временем становится устойчивой характеристикой старомодного быта. Современность, воплощенная в материальности, не успевает за образами будущего, которые циркулируют в обществе и формируют представления о моде, удобстве и комфорте.

Основной исторический нарратив книги структурирует смена пяти различных «эстетических режимов», или политически нагруженных *ассамбляжей материальных свойств*, которые вызвали у населения широко разделяемые аффективные ответы» (курсив мой. – *З.В.*) (с. 3). В главах 2–5 последовательно описывается развитие Дунайвароша под воздействием эстетических требований «социалистического реализма» (1950-е годы), «социалистического модерна» (*Socialist Modern* – 1960-е годы), «социалистического типического» (*Socialist Generic* – 1970-е годы), «органицистского модерна» (*Organicist Modern* – 1980-е годы) и, наконец, «сверх-естественного органицизма»¹ (*Super Natural Organicism* – 1990-е годы), сочетавшего элементы органицистского модерна и хай-тек (подробнее о них см.: Фехервари 2013). Несмотря на наличие условной периодизации, Фехервари показывает, что один режим никогда не заменял другой полностью: материальные объекты (города, дома, мебель) имеют долгую жизнь, а потому неизбежно сосуществуют в рамках новых эстетических (и политических) режимов, принимая на себя значения и ценности, совершенно не связанные с теми, которые с ними связывались когда-то. Так, «органицистский модерн» фактически основывался на материальной базе «социалистического типического» (так как большая часть населения продолжала жить в блочных домах 1970-х годов постройки), однако политически (и эстетически) был ему противопоставлен: введение в интерьер стилизованных элементов традиционной венгерской культуры (деревянная отделка, вышивки), которые некогда считались признаком ретроградства и кре-

¹ В наименовании эстетических режимов я следую за переводом Николая Поселягина (Фехервари 2013), кроме случая с *Socialist Generic*, который перевожу как «социалистический типический» (в переводе Поселягина – «социалистический типаж»).

стьянской отсталости, теперь указывали на уют и «органичность» поистине «домашнего» пространства. В то же время Фехервари подчеркивает, что в 1980-е годы эти элементы все еще были свободны от националистических коннотаций, которые они приобрели чуть позже – в 1990-е годы.

Материальные артефакты и заключенные в них аффективные силы почти всегда остаются не отрефлексированными. Присущие им материальные свойства (долговечность пластика, хрупкость стекла, твердость дерева) кажутся настолько естественными, что способствуют некритическому закреплению связанных с ними эстетических и ценностных определений (современный, красивый, добротный), которые воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Ориентируясь на семиотическую теорию Чарльза Пирса, Фехервари использует понятие *qualisign* для обозначения отдельных характеристик материальных объектов, которые становятся устойчивыми признаками конкретных эстетических режимов. Однако наше внимание к тем или иным характеристикам (*qualia*) обусловлено конвенцией, воспитанием и контекстом и всегда может сместиться в зависимости от ситуации. Так, долговечность пластика, которая в 1970-е годы сигнализирует о внедрении результатов научных достижений в повседневную жизнь и упрощении домашней (женской) работы, позднее становится воплощением «приговора» к долгой жизни в окружении теперь уже старомодных и низкокачественных материалов. Аналогичным образом с середины 1980-х годов серый цвет (цвет бетона и – метонимически – массового строительства) становится устойчивым признаком (*qualia*) социализма и безличного общества, в то время как капитализм контрастно воображается как многоцветный и индивидуализированный.

Несмотря на то, что основное повествование книги выстроено хронологически – от строительства Сталинвароша в послевоенные годы, когда город задумывался как воплощение социалистической утопии, до дискуссий о его радикальной перестройке в 1990-е годы, когда для многих он становится символом советской оккупации – наиболее проблемные темы обсуждаются в начале и в конце книги (главы 1, 6, 7 и 8), для которых исторический нарратив служит лишь контекстом.

Автор открывает свою книгу проблематизацией понятия «нормальность», к которому информанты часто апеллировали, оценивая качества предмета или поведения человека. В 1990-е годы «нормальным» оказывалось все, что не было связано с социалистическим прошлым и все, что ассоциировалось с «правильно устроенным» западным миром. Фехервари убедительно показывает, что такое понимание «нормальности» восходит к дискурсу диссидентски настроенных элит, которые в эпоху 1970–1980-х годов мыслили возможность освобождения от контроля СССР как исторически закономерный «возврат в Европу» (см. также: Ушакин 2009), где за Венгрией – как им казалось – закреплено надежное место, обеспеченное давними культурными связями. Именно поиском «обратного пути в Европу» объясняется мода на привнесение в интерьер элементов, устанавливающих символическую связь с буржуазным венгерским классом (главы 5–7).

Однако падение Берлинской стены повлекло за собой переопределение Венгрии и – позднее – кризис самоидентификации: самая «западная» (а значит современная и богатая) страна социалистического блока оказывалась теперь бедной

и периферийной. Не обретя искомого места на карте новой Европы, венгры попутно утратили тот престиж, которым привычно пользовались внутри зоны Варшавского договора. При этом быт и материальный мир оказались той сферой, где собственная неадекватность вообразимым западным стандартам ощущалась особенно остро и наглядно. В этих условиях усилия, направленные на создание и поддержание «нормальной жизни» – ремонт жилища, покупку брендовой одежды и бытовой техники – в сущности были материализацией надежды на обретение «нормального государства» – современного, цивилизованного и исполненного уважения и заботы по отношению к своим гражданам, то есть достойного устройства жизни.

Поверхностный пересказ исторических глав может создать впечатление многочисленных примеров сходства с историей развития материальной среды в СССР, однако книга заслуживает внимательного прочтения именно благодаря обилию деталей, обнаруживающих отличия в цепочках аффективных взаимодействий между обществом, государством и материальным миром. Так, в отличие от СССР, в Венгрии в определенных социальных кругах всегда присутствовала положительно окрашенная память о буржуазном быте, которая в более ранний период связывалась, скорее, с «хорошим вкусом» и считалась специфической чертой «людей, разбирающихся в искусстве», а со временем стала более или менее общим социальным маркером материального благополучия. В то же время забота о жилье как основе личной и семейной идентичности («Покажи мне свой дом – и я скажу, кто ты»), укорененная в венгерской традиции, сравнительно рано приводит к социальной реабилитации индивидуального строительства и экономики частного сектора («гуляш-коммунизм»). Мои примеры – капля в море богатого этнографического описания, составленного Кристиной Фехервари.

Важная проблема, которую обсуждает автор в связи с исследованием материальности, – постоянное переопределение «среднего класса», который в социалистическом Дунайвароше составляли преимущественно профессионалы: служащие и квалифицированные рабочие. В 1990-е годы средний класс все более связывается с понятием *polgár*, обозначающим исторический буржуазный класс, некогда состоявший из промышленников – часто евреев и немцев – и мелкопоместного венгерского дворянства. Этот образ конструировал новый идеал гражданской сознательности, сочетавший преданность государству-нации и предприимчивость и противопоставленный как новым «ложным» предпринимателям в спортивных костюмах, так и пролетариату. Быстро нарождающийся средний класс постсоциалистической Венгрии, связывающий себя с *polgár*, производил новые стандарты материального благополучия, за которыми не могли успеть те, кто в социалистическую эпоху чувствовали себя «достойно обеспеченными», а теперь стремительно утрачивали экономические и символические позиции. Особую остроту этой проблеме придавало издавна присущее венгерской культуре представление о корреляции определенных материальных стандартов (*igények*) и человеческих качеств их обладателей, таких как трудолюбие и личное достоинство. В 1990–2000-е годы это представление становилось бичом тех, кто не мог выдержать экономической гонки, но хотел поддержать образ достойного человека (*rendes*).

Анализируя множество разнообразных контекстов – от практик ремонта квартир до представлений о порядке и приличии в венгерской провинции – автор показывает, как радикальные изменения, характерные для 1990-х годов, привели к сбою сложившегося представления о норме и поставили под сомнение существующие социальные иерархии. Единовременное появление в городе нищих людей и дорогих автомобилей указывало на быстрое социальное расслоение, к которому население было не готово. Подобно тому как молодое социалистическое государство некогда разорило буржуазный класс посредством национализации собственности, теперь происходил новый передел, но уже в интересах глобального капитализма, явившегося в образе Евросоюза и нашедшего сторонников в лице бывшей номенклатурной элиты и директоров заводов. В 2000-е годы надежды, возлагаемые на «воссоединение с Европой» быстро уступали место скепсису и разочарованию и уводили людей в их личные материализованные миры, которые они (люди) могли сами – по мере сил – улучшать и поддерживать в порядке (*rend*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ушакин, Сергей. 2009. «Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии». *Новое литературное обозрение* 100. Просмотрено 9 августа 2015 г. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html>).
- Ушакин, Сергей, сост. 2013а. Блок статей «Объекты аффекта: к материологии эмоций». *Новое литературное обозрение* 120. Просмотрено 9 августа 2015 г. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/120/>).
- Ушакин, Сергей, сост. 2013б. Блок статей «Объекты аффекта: к материологии эмоций – 2». *Новое литературное обозрение* 121. Просмотрено 9 августа 2015 г. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/>).
- Фехервари, Кристина. 2013. «От социалистического модерна к сверх-естественному органицизму: Политический аффект и материальность домашнего устройства в Венгрии». Пер. с англ. Николая Поселягина. *Новое литературное обозрение* 121. Просмотрено 9 августа 2015 г. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/5f.html>).
- Gille, Zsuzsa. 2007. *From the Cult of Waste to the Trash Heap of History: The Politics of Waste in Socialist and Postsocialist Hungary*. Bloomington: Indiana University Press.
- Humphrey, Caroline and Katherine Verdery, eds. 2004. *Property in Question: Value Transformation in the Global Economy*. Oxford: Berg Publishers.
- Koselleck, Reinhart. 1985. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Translated by Keith Tribe. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mandel, Ruth and Caroline Humphrey, eds. 2002. *Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism*. Oxford: Berg Publishers.
- Miller, Daniel. 1994. *Modernity: Ethnographic Approach. Dualism and Mass Consumption in Trinidad*. Oxford: Berg Publishers.